

Лев Ламберов

Что такое пропозиции?

В своей статье я намереваюсь рассмотреть вопрос о том, как следует понимать термин *'proposition'* в работах философов-аналитиков. Намерение мое не случайно – термин этот, на мой взгляд, очень важен для адекватного восприятия аналитической философии. Более того, все мы могли наблюдать дискуссию Е. Е. Ледникова, В. А. Суровцева, М. В. Лебедева, П. С. Куслия и других авторов о том, как следует переводить его на русский язык (как *'суждение'*, либо как *'пропозиция'*), свою лепту в которую я хотел бы внести¹. Статья не претендует на какое-то «особое» открытие истины и будет носить скорее полемический и, по большей части, описательный характер. Более того, сами участники данной дискуссии привели достаточное количество аргументов, к которым сложно что-то добавить. Тем не менее, я хотел бы еще раз обратиться к вопросу понимания термина *'proposition'*. Кроме того, эта статья может рассматриваться как замечание к интерпретациям семантических идей Г. Фреге и Б. Рассела. Для начала я намерен придать статье еще и экстенсивную окраску – я приведу цитаты и собственные изложения точек зрения, касающихся пропозиций, разнообразных авторов, относящихся к аналитической философии, и кратко прокомментирую некоторые из них. Во второй части внимание будет сосредоточено на критике аргументов (коих не много) в пользу того, что *'proposition'* следует переводить как *'суждение'*. Третья же часть будет являть своего рода краткое заключение, которое призвано лишь суммировать результаты предыдущих параграфов, а также осветить основные философские проблемы относительно пропозиций.

I

Из обширнейшего корпуса текстов, в которых встречается термин *'proposition'*, я выберу лишь наиболее интересные и показательные. Так как я считаю, что *'proposition'* следует переводить как *'пропозиция'* (а *'суждение'* – это перевод термина *'judgment'*), то буду использовать именно такой вариант перевода.

Алонзо Черч² утверждает, что (повествовательные) предложения рассматриваются как имена, денотаты которых – истинностные значения

¹ См.: Вопросы философии №7, 2000 и №12, 2001; Логос №2, 2003, №1, 2004, №2, 2005.

² Church A. The Need for Abstract Entities // American Academy of Arts and Sciences Proceedings, 80, 1951. См. также Введение к работе Church A. Introduction to Mathematical Logic. Volume I. – Princeton: Princeton University Press, 1956.

предложений (истина или ложь), а смыслы – пропозиции, которые выражаются предложениями. Эта точка зрения основывается на принятых Черчем семантических идеях Фреге.

Стивен Баркер³ пишет:

Согласно модели Фреге, семантическая интерпретация повествовательного предложения является пропозицией <..>. Пропозиции играют три основных теоретических роли в теориях, подобных теории Фреге. Они являются: (i) содержаниями, общими между предложениями, отличающимся друг от друга по наклонению (mood-modified); (ii) сущностями, чье выражение предложениями позволяет этим предложениям быть интерпретируемыми в логических контекстах и управляться логическими константами; (iii) сущностями, чье выражение повествовательными предложениями позволяет им иметь истинностное значение (p. 80).

Томас Рикетс⁴ замечает:

Рассел выдвинул новую теорию суждения (judgment) в 1910 году. До этого он рассматривал суждение (judging) как двуместное отношение, которое соотносит сознание с комплексной сущностью. Когда Кассио судит, что Дездемона любит Отелло, Кассио связывается отношением суждения с пропозицией, что Дездемона любит Отелло, сущностью, которая содержит женщину Дездемону, отношение любви и мужчину Отелло в качестве своих конститuent. Суждение Кассио истинно, потому что пропозиция, которую он судит, истинна. С другой стороны, когда ревнивый Отелло приходит к убеждению, что Дездемона любит Кассио, его убеждение ложно; ибо пропозиция, с которой он связывается отношением суждения, ложна. В 1910 году Рассел утверждает, что суждение – это не бинарное отношение, но множественное отношение. Когда Кассио судит, что Дездемона любит Отелло, четырехместное отношение суждения связывает Кассио, Дездемону, отношение любви и Отелло соответственно. Это суждение истинно, ибо существует соответствующий факт любви Дездемоной

³ Barker S. J. *Renewing Meaning: A Speech-Act Theoretic Approach*. – Oxford: Oxford University Press, 2004.

⁴ Ricketts T. *Truth and Propositional Unity in Early Russell* // J. Floyd, S. Sheih (eds.). *Future Pasts: The Analytic Tradition in Twentieth Century Philosophy*. – Oxford: Oxford University Press, 2001. Ср.: Russell B. *The Problems of Philosophy*. – Oxford: Oxford University Press, 1971, chap. IV, XII.

Отелло. Суждение Отелло подобным же образом обозначает отношение суждения, соединяющее Отелло, Дездемону, отношение любви и Кассио; но суждение Отелло ложно, так как нет соответствующего факта любви Дездемоной Кассио (р. 101).

Говард Уэттштейн⁵ пишет:

Многие авторы в начале двадцатого столетия и позже использовали этот термин ('пропозиция' - Л.Л.) синонимично с термином 'повествовательное предложение': Фреге, Рассел и Витгенштейн применяли это употребление, по меньшей мере, часть времени. Но для некоторых тех же авторов – и все больше и больше это стало практикой – пропозиции не являются самими предложениями, но лингвистическими абстрактными вещами, которые выражаются предложениями, или которые мы выражаем высказыванием предложений. И стало общепринятым говорить о пропозициях как о *содержаниях* наших предложений (pp. 5-6).

Уэттштейн, затем, утверждает, что (1) пропозиция не является той же вещью, что и предложение, которое ее выражает, предложение – это лишь некоторый физический объект – слова на бумаге, звуки и т. д.; (2) пропозиция не является ментальным актом, актом сознания или процессом суждения (act of the mind or the judgment which thinks it)⁶; (3) пропозиция не является каким-либо конкретным объектом (например, столом, стулом и т. д.), то есть, пропозиция не обладает физическим существованием. Пропозиции – это «объективные значения» предложений.

Пол Хорвич⁷ замечает:

Пропозиции – это вещи, в которые верят, которые утверждают, которые предполагают и т. д.; содержания таких состояний (например, *что Оскар был голоден в полдень первого января 1988 года*) (р. 16).

⁵ Wettstein H. The Magic Prism: An Essay in Philosophy of Language. – Oxford: Oxford University Press, 2004.

⁶ Ibid., p. 18.

⁷ Horwich P. Truth. – Second Edition, Oxford: Oxford University Press, 1998.

Джеймс Янг⁸ пишет:

Пропозиция подразумевается в качестве того, что выражено предложением. Так, например, ‘Кошка на рогожке’ и ‘*Le chat est sur le tapis*’ полагаются как выражающие одну и ту же пропозицию. Эта пропозиция предполагается в качестве некоего вида абстрактной вещи, что существовала бы даже, несмотря на то было сформулировано предложение или нет. Предложения и убеждения являются просто графическими, фонетическими или ментальными представлениями, которые могут обладать или не обладать существованием, но пропозиции предполагаются в качестве вечных (р. 3).

Он⁹ же замечает в другом месте:

Разнообразнейшие кандидаты предлагались на роль носителей истинности, включая суждения, предложения, утверждения, убеждения и пропозиции. В этом очерке, ради удобства, я буду говорить о пропозициях (под которыми я понимаю повествовательные предложения) (р.90).

Майкл Даммит¹⁰, например, утверждает:

Пропозиция – это то, что выражается высказыванием (utterance) предложения (р. 15).

Даммит, обсуждая взгляды Бернарда Больцано и Фреге в указанной книге, переводит термином ‘*proposition*’ термин Больцано ‘*Urteil*’ (‘суждение’), а термином ‘*thought*’ термин Фреге ‘*Gedanke*’ (‘мысль’). С другой стороны, термин ‘*Urteil*’ у Фреге имеет несколько другой смысл, нежели у Больцано (Даммит отождествляет фрегевское ‘*Gedanke*’ и больцановское ‘*Urteil*’).

⁸ Young J. O. *Global Anti-Realism*. – Aldershot: Avebury, 1995.

⁹ Young J. O. *A Defence of the Coherence Theory of Truth* // *Journal of Philosophical Research*, Vol. XXVI, 2001.

¹⁰ Dummett M. *Origins of Analytical Philosophy*. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1996.

Фреге¹¹ же пишет о суждении так:

Когда наш ум приходит к *признанию* чего-либо *истинным*, мы *судим*, выносим свое суждение, а когда это суждение высказываем, мы утверждаем его (стр. 287).

Высказывая какое-либо предложение, с сообщением о его содержании мы по большей части соединяем и утверждение об его истинности. Однако слушатель не обязан ни соглашаться с этим суждением, ни отвергать его: он может воздержаться от суждения. Тогда на содержание суждения можно смотреть так, как его воспринимает слушатель (стр. 292).

Мы можем постичь мысль, не признавая ее истинной. Мышление есть постижение мыслей. После того как мы постигли мысль, мы можем признать ее истинной и выразить внешне это признание – утверждать ее. <...> Процесс суждения – это выбор между противоположными мыслями (стр. 293).

Фрегевский термин ‘*Urteil*’, таким образом, близок к расселовскому ‘*judging*’ (общее для Фреге и Рассела – то, что ‘*суждение*’ – это полагание, не обязательно верное, носителя истинности в качестве истинного). Рассел идет несколько дальше Фреге, когда говорит об истинности суждения (*judgment*), как о производной либо от истинности пропозиции (ранняя теория суждения), либо от наличия соответствующего факта (теория суждения 1910 года). Суждение в обоих случаях, как в цитате из работы Уэттштейна, понимается как процесс, совершающийся акт.

Уиллард Ван Орман Куайн¹² пишет:

Можно допустить, чтобы только одни скобки без префикса выражали абстракцию медадических (0-адических) интенционалов или пропозиций; так “[Сократ смертен]” будет равнозначно словам “что Сократ смертен” (“*that Socrates is mortal*”) или “бытие Сократа смертным” – в случаях, когда “[Сократ смертен]” рассматривается как указание на пропозицию. Заметим, что в согласии с современной философской практикой я использую термин “пропозиция” для обозначения не предложения, а абстрактного объекта, мыслимого как то, что обозначается простым предложе-

¹¹ Фреге Г. Логика // Там же; Фреге Г. Краткий обзор моих логических концепций // Там же.

¹² Куайн У. В. О. Слово и объект. – М.: Логос, Праксис, 2000.

нием, начинающимся с “что” (‘that-clause’). Такой объект, например – что Сократ смертен – мыслится как относящийся к предложению “Сократ смертен” тем же способом, каким атрибутив – например, быть собакой или печь пироги – относится к общему термину: “собака”, “печет пироги”. Я одним из последних стал бы воздерживаться от вопроса, какого типа объектами они могут быть (стр. 192).

Важным вопросом аналитической философии является вопрос о “пропозициональных установках (или отношениях)” (propositional attitudes). Тимоти Шредер¹³, например, отмечает, что пропозициональная установка предполагает установку (отношение) и пропозицию. То есть, когда читатель убежден, что буквы, которые он читает, напечатаны на бумаге черными чернилами, то он имеет установку (отношение убеждения) на пропозицию (пропозицию, *что буквы, которые он читает, напечатаны на бумаге черными чернилами*). Пропозиции, таким образом, это не только то, что разделяется разными предложениями, такими как “Снег бел” и “The snow is white”, но и то, что разделяется разными установками. Например, некто убежден, что снег был бел; другой человек удивлен, что снег был бел. Таким образом, объект их установок (отношений) – одна и та же пропозиция – ‘снег был бел’ (я не буду касаться различия между авторами, которые трактуют установки как двуместные отношения (Фодор), и авторами, которые трактуют их как одноместные (Дэвидсон, Деннет)).

II

В этой части статьи я намерен проанализировать аргументы в пользу того, что термин ‘*proposition*’ следует переводить на русский язык как ‘*суждение*’; и так как я придерживаюсь перевода этого термина как ‘*пропозиция*’, то эта часть статьи будет носить критический характер. Начну по порядку – Е.Е. Ледников¹⁴ утверждает, что такого русского существительного как ‘*пропозиция*’ нет. В его же духе можно и ответить – мало ли, что нет (в конце концов, когда-то в языке не было очень многих слов). Кроме того Ледников ссылается на то, что этот термин переводят как ‘*суждение*’ уже 40 лет. Опять же – мало ли, сколько лет переводят (когда-то и философию любомудрием называл, тем не менее, любомудрских факультетов у нас нет). А его заявление:

¹³ Shroeder T. Propositional Attitudes // Philosophy Compass, Vol. 1, Issue 1, 2006.

¹⁴ Ледников Е. Е. Б. Рассел. Философия логического атомизма // Вопросы философии, №7, 2000.

Совсем неудобоваримо выглядит фраза «новая теория суждения в работе “О пропозициях”» (стр.155) –

как кажется, ясно показывает, что Ледников смешивает два понятия – *суждение* и *пропозиция*. В «Проблемах философии» Рассел¹⁵ пишет, например, что, даже не зная Императора Китая, можно верно судить (*truly judge*), что тот существует. Этим он опровергает тезис, что мы не можем знать о существовании того, чего мы не знаем (с чем мы не знакомы); этот тезис он переформулирует так: «Мы не можем истинно судить, что нечто, с чем мы не знакомы, существует» (“We can never truly judge that something with which we are not acquainted exists”). Слово ‘*знать*’ в этом тезисе до того, как его переформулировали, употреблено в двух смыслах. Нам же важен только первый смысл – в нем оно противоположно ошибке. То есть его смысл – то, что мы знаем, истинно, то есть смысл, который применяется к убеждениям или взглядам, то есть к тому, что кратко называется *суждениями* (*judgments*).

Из этого, а также из приведенного ранее пассажа Рикетса становится ясно, что Рассел понимает под суждением нечто подобное пропозициональной установке – личное отношение к содержанию того, о чем это суждение (то есть, к пропозиции), либо (согласно Рикетсу, Рассел в 1910 году изменил свою точку зрения, что легко подтвердить цитатами самого Рассела) к конститuentам содержания. Снова приведу пример Рикетса: Отелло судит, что Дездемона любит Кассио. Суждение Отелло ложно, так как Отелло полагает, что пропозиция ‘Дездемона любит Кассио’ истинна (относится к ней как к таковой), но эта пропозиция ложна.

На заявление Ледникова¹⁶ о том, что Суровцеву надо бы почитать страницу 32 (р. 26 оригинала) из учебника Черча¹⁷, я приведу интересный Ледникова абзац:

Традиционные (послесхоластические) логики имели обыкновение определять пропозицию как суждение, выраженное словами, то есть как лингвистическую сущность, как предложение или же как предложение, взятое в связи с его значением. Но в обыденном английском языке это слово уже давно употреблялось скорее как значение (в наших терминах – смысл) предложения, и логики

¹⁵ См.: Russell B. *Problems of Philosophy*. – Oxford: Oxford University Press, 1971, chap. IV.

¹⁶ Ледников Е. Е. О стиле ведения полемики г-ном Суровцевым В. А. // *Логос*, №2, 2003.

¹⁷ Ледников ссылается на русский перевод – Черч А. Введение в математическую логику. Том I. – Москва: Издательство иностранной литературы, 1960; было бы корректнее, я полагаю, говорить об оригинале – Church A. *Introduction to Mathematical Logic*. Volume I. – Princeton: Princeton University Press, 1956.

позднее приняли это техническое значение термина “пропозиция”. Таков счастливый результат процесса, который исторически объясняется частично стремлением избежать смешения предложения самого по себе со значением предложения. Это дает возможность проводить в английском языке такие различия, которые трудно передать на другом языке, и позволяет перевести термин Фреге *Gedanke* термином, который меньше, чем слово “мысль” способен вводить в заблуждение (р. 26).

Русский перевод в известном всем издании 1960 года меня не совсем удовлетворяет. Что за ‘образование’ вместо ‘entity’? Не говоря уже о том, что термин ‘суждение’ замещает почему-то ‘proposition’, а ‘мнение’ стоит вместо ‘judgment’? Черч утверждает, что ‘proposition’ у традиционных логиков – это ‘judgment’, выраженное словами, то есть ‘proposition’ у них – это (повествовательное) предложение, возможно, лишь «произнесенное в пределах сознания» (смотри примечание 68 на р. 26). В примечании 68 приводится цитата Уаттса (работа 1725 года):

Пропозиция есть Предложение, в котором две или более *идеи* или *термина* соединены или разъединены утверждением или отрицанием... Описывая пропозицию, я использую как слово *Термин*, так и слово *Идея*, потому что если чистые Идеи объединены в Сознании без Слов, то это скорее называется *Суждением*, но когда они облечены в Слова, то это называется *Пропозицией*, как в том случае, когда это делается в Сознании, так и в том случае, когда это выражается устно или на Письме (р. 26).

Из этого отрывка кажется, что ‘judgment’ в традиционной логике – это нечто похожее на *Gedanke* у Фреге или ‘proposition’ в современном смысле (например, у Куайна в приведенной цитате), но (возможно) не являющееся объективным, а лишь субъективным объединением идей в мысли конкретного человека. Одним словом, ‘judgment’ тут – значение повествовательного предложения, то есть значение того, что понималось под ‘proposition’ в традиционном смысле. Кроме того, здесь стоит вспомнить одно из примечаний Фреге¹⁸, где он, очевидно, говорит о ‘суждении’ в традиционной логике:

Сходным образом говорят, например: «Суждение есть то, что либо истинно, либо ложно». В самом деле, слово «мысль» я упот-

¹⁸ Фреге Г. Мысль. Логическое исследование // Фреге Г. Логика и логическая семантика. – М.: Аспект Пресс, 2000.

реблю приближительно в смысле «суждения» в сочинениях логи-
ков (примеч. на стр. 328).

Вернусь к цитате с 32-ой (или 26 оригинала) страницы «Введения в математическую логику» Черча. Черч недвусмысленно заявляет, что термин *'proposition'* – это перевод фрегевского *'Gedanke'*, а в примечании 69 указывает, что *'proposition'* – это не *'declarative sentence'*, то есть не *'новостовательное предложение'*, но значение предложения, его смысл (здесь ясно видно соответствие приведенным взглядам Уэтгштейна, Куайна). Фрегевский термин *'Gedanke'* ничего общего с суждением (*'Urteil'*) у Фреге не имеет. Суждение у Фреге – это полагание, субъективное отношение к некоторой мысли как к истинной (более развернуто об этом – ниже). Мысль же – это некоторая абстрактная объективная сущность, истинность которой объективна и не зависит от нашего познания (нашего суждения об этой мысли).

Более того, кажутся совершенно неверными аргументы Петра Куслия¹⁹ в пользу перевода термина *'proposition'* термином *'суждение'* (в одной отдельно взятой статье Рассела «On Denoting»). Трактовка Фреге, представленная в статье Куслия, кажется, по меньшей мере, неполной и двусмысленной. Куслий пишет:

Суждение содержит в себе момент утверждения (*Behauptung*) и обладает истинностным значением (*Wahrheitswert*), а мысль — нет. Для Фреге мысль (или содержание суждения) — это всего лишь простая *«связь представлений, о которой пишущий не общает, признает он ее истинной или нет»* (стр. 63).

Suppose now we wish to interpret the proposition, «I met a man». If this is true, I met some definite man...

Данный отрывок показывает, что Рассел равным образом использует термин «proposition» и как эквивалент «Urteil», поскольку здесь «proposition» претендует на истинностное значение. Возвращаясь к теории Фреге, напомним, что для него высказывание типа «я встретил человека» является именно суждением. Чтобы стать мыслью (или содержанием суждения) это суждение нужно перевести в особую словесную форму, например, «предложение, повествующее о том, что». Таким образом, употребляя здесь термин «proposition» для обозначения высказывания «I met a man»,

¹⁹ Куслий П. Термин «proposition» в статье Б. Рассела «On Denoting» // Логос, №2, 2005.

Рассел, безусловно, использует его в смысле фрегевского «Urteil», т. е. как «суждение» (стр. 64).

Термин «пропозиция» не может быть употреблен относительно таких высказываний, как «я встретил человека», так как они, согласно Фреге, являются суждениями; их значение (Bedeutung) — это истинностное значение, а не мысль. Однако Рассел придерживается именно такого словоупотребления (стр. 65).

Куслий утверждает, что переводить термин ‘*proposition*’ в статье Рассела «On Denoting» означает «исправлять» язык самого Рассела. Возможно, Куслий считает, что Рассел не читал ничего другого у Фреге кроме *Begriffsschrift*, но это кажется мало вероятным (г-н Куслий цитирует только эту работу Фреге). Необходимо отметить, что *Begriffsschrift* не следует рассматривать как основополагающую работу при истолковании взглядов Фреге; она таит в себе достаточно неоднозначностей, которые Фреге в дальнейшем исправил (например, истолкование тождества как отношения между знаками, а не отношения тождества их значений). *Begriffsschrift* — лишь первый этап развития идей Фреге. Далее, относительно мысли Фреге утверждает, что мысль — это содержание повествовательного предложения, которое может быть истинным/ложным (истинным/ложным может быть именно содержание). В процессе суждения мы переходим от мысли к ее истинности/ложности. Не суждение, а мысль обладает истинностным значением. В аналитической философии часто говорят о первичных и вторичных носителях истинности; мысль в трактовке Фреге — это первичный носитель истинности; когда мы формулируем предложение, мы облачаем мысль и наше суждение о ней в некую оболочку (утверждаем). Но истинность, как отмечает Фреге, не зависит от нашего признания; он²⁰ пишет:

Основания, из которых мы исходим в нашем процессе суждения, могут оправдывать признание данной истины; но основания эти могут также служить для нас лишь побудительным мотивом для вынесения суждения или так или иначе определять его, не предполагая никакого подтверждения (стр. 287).

Таким образом, процесс суждения (кроме, по словам Фреге, согласующихся с законами логики) — это субъективная деятельность. Процесс су-

²⁰ Фреге Г. Логика // Фреге Г. Логика и логическая семантика. — М.: Аспект Пресс, 2000.

ждения напоминает пропозициональные установки, о которых речь шла выше. Можно привести такой пример:

- (1) S судит, что $A \equiv B$, и S утверждает, что $A \equiv B$;
- (2) ' $A \equiv B$ ' ложно;
- (3) ' S судит, что $A \equiv B$ ' истинно, и
- (4) ' S утверждает, что $A \equiv B$ ' истинно, но
- (5) утверждение S , что $A \equiv B$, ложно, так как суждение S , что $A \equiv B$, ложно, так как ' $A \equiv B$ ' ложно (' $A \equiv B$ ' – мысль).

Суждение – это либо некоторая субъективная, либо логическая (то есть, по Фреге, верная) трактовка определенной мысли либо как истинной, либо как ложной. Суждение – это признание истинности мысли (не обязательно объективной истинности).

Следует отметить, что для Фреге²¹ относительно мысли возможна только либо истина, либо ложь – третьего не дано:

Отрицание и утвердительную силу также надо различать. Каждой мысли противостоит ей противоположная, так что отвержение одной совпадает с признанием другой. Процесс суждения – это выбор между противоположными мыслями. Признание одной и отвержение другой – это единое действие (стр. 293).

Таким образом, мы постигаем некоторую мысль, затем судим о ней и признаем истинной (и отвергаем ее отрицание, либо отвергаем как ложную, но признаем истинным ее отрицание), затем выражаем ее в предложении, которое содержит утверждение. Утверждение же – это не мысль с ее объективной истинностью, оно – способ в высказываемом предложении показать, что говорящий согласен с истинностью мысли (признает ее истинной; показать так, чтобы другие люди поняли, что говорящий считает выраженную в его предложении мысль истинной), выражаемой данным предложением (эта мысль *не обязательно должна быть объективно истинной, она лишь признается истинной*). В аналитической философии это обычно называется “принцип нормативности” – принятие ответственности за истинность высказываемых предложений. Суть “принципа нормативности” в том, что наши утверждения стремятся к истине; истина – это норма утверждения. Но вернусь к рассмотрению (контр) аргументов Куслия.

²¹ Фреге Г. Краткий обзор моих логических концепций // Там же.

Во-первых, не суждение обладает объективной истинностью, но мысль. Когда мы постигаем (по Фреге) мысли мы не постигаем их в их объективной истинности/ложности, а судим о них как о таковых (причем, можем ошибаться, если не учитывать случаи логического вывода). Мысли, являясь, по Фреге²², объективными сущностями (как и смыслы имен) должны быть и истинными/ложными объективно (но в своем отношении к ней как к истинной/ложной мы можем ошибаться – достаточно вспомнить пример Фреге о крестьянине и влиянии Луны на погоду):

Надо признать третий мир (Reich). То, что к нему принадлежит, совпадает с представлениями в том, что оно не может восприниматься с помощью органов чувств, а с вещами – в том, что оно не нуждается ни в каком носителе, сознанию которого оно принадлежало бы. Так, например, мысль, которую мы высказываем в теореме Пифагора, истинна вне всякого времени и не зависит от того, считает ли кто-нибудь ее истинной. Она не требует носителя. Она не стала истинной только после того, как была открыта – подобно планете, находившейся во взаимодействии с другими планетами еще до того, как кто-либо ее увидел (стр. 335).

Обещанный пример про крестьянина²³:

Причины, которые лишь побуждают к процессу суждения, действуют по психологическим законам; они могут приводить к заблуждению с таким же успехом, что и к истине; они вообще не имеют никакой *внутренней* (курсив мой – Л.Л.) связи с истиной; по отношению к противоположности истинного и ложного они ведут себя одинаково. Логика исключает их из своей области. Сельский житель, чьи радости и печали тесно связаны с погодой, ищет возможность предопределения будущего. Что же удивительного в том, что он пытается установить связь между фазами Луны и изменениями погоды, задаваясь вопросом, можно ли ожидать перемены погоды с наступлением полнолуния. И если ему *кажется* (курсив опять мой – Л.Л.), что это ожидание находит подтверждение, - а это очень даже возможно, потому что погода меняется не вдруг и потому что вообще трудно сказать, изменилась ли она, - то он начинает верить в связь между погодой и Луной, и эта вера все более укрепляется, так как благоприятные случаи, подтверждающие эту веру, производят бóльшее впечатле-

²² Фреге Г. Мысль. Логическое исследование // Там же.

²³ Фреге Г. Логика // Там же.

ние и крепче запоминаются, чем неблагоприятные, не подтверждающие ее; и тогда он приходит к убеждению, что связь эта известна ему из опыта (стр. 287).

Наивный крестьянин судит о мысли (полагает ее истинной), что погода зависит от Луны, но судит неправильно, потому, что более всего вероятно то, что погода от Луны не зависит. Поэтому-то нет ничего странного в том, что Рассел предполагает, что пропозиция 'я встретил человека' может быть истинной («Предположим, что мы желаем интерпретировать пропозицию 'я встретил некоего человека'. Если она истинна, я встретил некоторого неопределенного человека...»). Более того, если опираться на цитированный мной фрагмент из работы Говарда Уэттштейна, то можно было бы предположить, что Рассел в статье «On Denoting», изданной в 1905 году, под термином '*proposition*' подразумевает не пропозицию в ее современном смысле, а просто повествовательное предложение. Зачем же интерпретировать пропозицию, если пропозиция – это объективное значение предложения, вечная сущность, которая сама является интерпретацией предложения (интерпретированным предложением)? Кстати, даже если Рассел и подразумевает под термином '*proposition*' лишь повествовательное предложение, это еще не дает права переводить '*proposition*' каким-то другим образом, кроме как '*пропозиция*'. Аналитики же не выдумали нового слова для обозначения вечных сущностей (являющихся объективными значениями предложений), чтобы отличать их от повествовательных предложений. Более того, не играет Рассел словами – под '*proposition*' то '*Gedanke*', то '*Urteil*' не подразумевает. С другой стороны, Рассел может понимать под «интерпретацией» в данном случае нечто иное, а именно – экспликацию условий истинности. В таком случае, он может иметь в виду под '*proposition*' не повествовательное предложение, а как раз пропозицию. То есть, он говорит уже об объективном значении и указывает, что если оно истинно, то его условия истинности таковы, что он встретил некоторого неопределенного человека. Но Рассел ни в коем случае не говорит о суждении. Его разговор о суждении был бы следующим: «Предположим, что мы желаем интерпретировать мое суждение, что я встретил некоторого неопределенного человека. Если оно истинно, то оно истинно благодаря тому, что пропозиция 'я встретил некоторого неопределенного человека' истинна, либо благодаря тому, что оно соотносит мое сознание, меня, отношение встречи и некоторого неопределенного человека и, кроме того, это соответствует факту, что я встретил некоторого неопределенного человека».

III

Таким образом, можно суммировать размышления о том, что такое пропозиции в аналитической философии следующим образом:

1. Пропозиции – это либо повествовательные предложения (ранний этап аналитической философии – аргументов в пользу этого взгляда не было приведено, и я считаю его сомнительным), либо абстрактные сущности, являющиеся содержаниями убеждений, предложений и т. п. (*суждений*, в конце концов).
2. Пропозиции отличаются от суждений тем, что последние являются видом пропозициональных установок. И, например, у Фреге суждение является отношением к мысли (признанием/принятием ее истинности), а мысли – это, по сути, и есть пропозиции в современном смысле.

Отступлю немного, чтобы вскользь прокомментировать некоторые другие термины. Особого внимания заслуживает термин ‘*utterance*’. Я полагаю, что именно его следует переводить на русский язык как ‘*высказывание*’, так как глагол ‘*to utter*’ употребляется в значениях «издавать звук, произносить, выражать словами и т. д.», ‘*utterance*’ же – в значениях «выражение в словах, произнесение, *высказывание*, произношение и т. д.». ‘*Statement*’, в свою очередь, следует переводить как ‘*утверждение*’, потому что ‘*to state*’ – это «заявлять, утверждать, формулировать, вводить в должность и т. д.». Не следует при занятии *аналитической философией* идти на поводу той или иной переводческой традиции, пусть даже той, которая сложилась в близкой аналитической философии области (конечно же, я имею в виду логику).

Теперь обратимся к философским проблемам, которые стоят за понятием ‘*пропозиция*’. Что может быть источником спора о пропозициях? Я приведу некоторые проблемы, касающиеся пропозиций, которые рассматривает Хорвич²⁴. Обычно, когда спорят о понятии ‘*пропозиция*’, утверждают, что пропозиции – это чересчур сомнительные сущности, само их существование – весьма серьезный вопрос. Очевидно, что мы можем вывести из утверждения «Иванов убежден, что Смирнова любит Петрова», что «Существует то, в чем убежден Иванов», а, например, из утверждений «Сидоров сомневается, что Смирнова любит Петрова» и «Иванов убежден, что Смирнова любит Петрова» утверждение, что «Сидоров сомневается в том, в чем убежден Иванов». Таким образом, сингу-

²⁴ См. Horwich P. Truth. – Second Edition, Oxford: Oxford University Press, 1998, chap. 6.

лярные термы «то, в чем убежден Иванов» и «Смирнова любит Петрова» замещают особый вид объектов – пропозиции. К этому нас склоняет синтаксис. Сопротивляться «синтаксическому» принятию существования пропозиций, утверждает Хорвич, можно либо исправляя принципы логики, которые ответственны за подобное заключение, либо приводя аргументы из других областей знания.

Другая проблема, касающаяся пропозиций – из чего они состоят. Например, Рассел полагал, что пропозиции состоят из вещей, свойств и отношений, о которых они говорят. То есть, предположим, что в комнате находятся два человека – Джон и Джим, которые знакомы с одним и тем же человеком – Бобом Смитом, но Джон знает лишь то, что этого человека зовут Бобом, а Джим знает только то, что фамилия этого человека – Смит. Когда Боб Смит заходит в комнату, то Джон и Джим имеют определенные убеждения на этот счет, но убеждения эти отличаются тем, что они соотносят Джона и Джима соответственно с разными пропозициями. А именно, Джон убежден, что Боб зашел в комнату, а Джим убежден, что Смит зашел в комнату. Мы знаем, что Боб и Смит – это два именованя для одного и того же человека, но как можно объяснить, тогда, что убеждения Джона и Джима различны? Фреге, со своей стороны, решил эту проблему, заявив, что конститuentами пропозиции (то есть, мысли в его терминологии) являются не референты (значения в его терминологии), а смыслы. Таким образом, мы видим, что пропозиции «Боб зашел в комнату» и «Смит зашел в комнату» отличаются друг от друга. Проблема описания пропозиций Расселом – это проблема с *de dicto* (соотнесение с вещью через *dictum*, то есть, например, через дескрипцию) – незаданность смыслов, а проблема Фреге – это проблема с *de re* (соотнесение с вещью напрямую) – необоснованность замены кореферентных термов друг на друга в неэкстенциональных контекстах даже при наличии посылки, что они обозначают одно и то же (например, что Боб и Смит – это одно и то же лицо). Хорвич предлагает в качестве возможного ответа предположить существование (наряду с чистыми фрегевскими и чистыми расселовскими пропозициями) смешанных пропозиций, которые все имеют одну и ту же композиционную структуру, в которой каждая сингулярная позиция может быть заполнена либо фрегевским смыслом, либо расселовским референтом.

Еще одна проблема – одна из специальных проблем дефляционизма. Эквивалентность Тарского в интерпретации для пропозиций –

Пропозиция, что p , истинна тогда и только тогда, когда p –

может быть принята как объясняющая термин «истинно» только в том случае, когда истина не предполагается в идее пропозиций. Тем не менее, в понятии пропозиции предполагается, что два разных высказывания могут выражать одну и ту же пропозицию. Но это можно объяснить при помощи идеи взаимопереводимости высказываний, которая, в свою очередь, может быть истолкована как идея о тождестве условий истинности этих высказываний. Так, если концепция истины необходима для того, чтобы сказать, что такое пропозиции, то она не может использовать для этого сами пропозиции. В противном случае, мы будем иметь две теории, причем обе «плохие», то есть те понятия, которые определяются в этих теориях, не могут быть определены друг через друга (для этого необходимо, чтобы хотя бы одно из них уже было определено). С другой стороны, понятие перевода можно объяснить при помощи теории значения как употребления. В этом случае, верный перевод с одного языка на другой – это такое отображение, которое сохраняет элементарные паттерны употребления, где употребление характеризуется не семантически, а в терминах обстоятельства применения. Таким образом, правильный перевод некоторого слова – это перевод, который сохраняет паттерны употребления, включающие применимость к таким-то предметам и неприменимость к не-таким-то предметам. Такая трактовка термина перевода предполагает следующее возражение – если взаимопереваемость – это дело сходства в употреблении, то пропозиции не могут существовать, так как сходство не является транзитивным отношением, поэтому вполне может не быть таких вещей, которые бы были общим для взаимопереваемых высказываний. Ответа на это возражение я касаться не буду, так как оно касается специально дефляционной теории истины, а не общих взглядов на пропозиции.

Более интересным для общего обсуждения проблемы пропозиций является одно из размышлений Янга (из его указанной книги), когда он говорит о конвенциональных и неконвенциональных семантических отношениях. Неконвенциональные свойства и отношения – это такие свойства и отношения, которые наличествуют в силу внутренних характеристик самих объектов. Например, круг является круглым, а квадрат – квадратным не из-за того, что есть нечто внешнее, а благодаря своим внутренним характеристикам. Или, например, один предмет является легче другого благодаря тому, что один предмет имеет вес x , а второй – y , причем $x < y$. Конвенциональные же свойства и отношения – это такие свойства и отношения, которые зависят от чьей-то точки зрения; например, одна вещь может быть предпочтительнее другой не в силу их внутренних свойств, а в силу чьей-то точки зрения. Очевидно, что семантические отношения являются конвенциональными, так как у фо-

нем, морфем и т. д. не ничего «схожего» с действительностью. Утверждение 'кошка на рогожке' ни на кошку, ни на рогожку не похоже (и на них вместе – тоже). Предложения и выражения (обозначающие фразы) находятся с тем, о чем они говорят в отношении обозначения только благодаря тому способу, которым они употребляются. Исходя из этого, трудно поверить, что существуют какие-то абстрактные сущности, являющиеся объективными значениями предложений и, видимо, объективно обладающие истинностными значениями. Кто устанавливает (не-) конвенциональные семантические отношения между пропозициями и тем, о чем они говорят? Или вообще разговор о конвенциональных и неконвенциональных отношениях пропозиций и их условий истинности – просто бессмыслица? Эти вопросы пока остаются открытыми.